

НАТАЛИЯ
СМИРНОВА

БЫВШИЕ

Я починою себя
сама

Наталия Смирнова

Бывшие. Я почию себя сама

«Автор»

2026

Смирнова Н. А.

Бывшие. Я починю себя сама / Н. А. Смирнова — «Автор», 2026

Её всю жизнь ценили за удобство. Не спорит, не требует, всегда в тени. Идеальная жена и мама. Пока однажды она не стала неудобной. Для мужа, который ушёл к молодой. Для дочерей, которые приняли его сторону. И то что она Валентина безропотная и все стерпит. Но то, что они приняли за слабость, оказалось терпением. А терпение это её сила. Оставшись одна, она не сломалась. Она начала делать ремонт. Сначала — старых кукол. Потом — собственной жизни. Но сможет ли Валентина починить и себя? И снова стать счастливой?

© Смирнова Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наталия Смирнова

БЫВШИЕ. Я почию себя сама

Глава 1.

Тишина в комнате была просто оглушающей. Не было слышно ни звуков с улицы, ни даже собственного сердца. Я стояла перед зеркалом в прихожей и смотрела на женщину, которую не узнавала.

— Ну что ж, Валентина... — почти беззвучно сказала я своему отражению. — Кто ты теперь? И как ты вообще до этого дошла? — Зеркало молчало. Как и всегда. Не получилось у нас с Женей прожить «долго и счастливо», как кричали нам на свадьбе, перекрикивая музыку и хлопая в ладоши. Тогда казалось — крикни погромче, и счастье обязательно сбудется. Оказалось, счастье не любит шума.

Женщина в зеркале была красива — по-своему. Не открыткой, не журналом. Густые рыжие волосы, мягкие черты лица, чуть усталый взгляд.

Я взяла в руки коробочку с краской для волос «каштан». Ту самую. Мой маленький ритуал, почти обряд.

Он всегда говорил:

— Не трогай седину. Ты и так красивая.

А мне это было важно и нужно. Как будто каждый мой покрашенный волос — это ещё один день, когда я всё контролирую.

Я поставила коробочку обратно на полку и поднесла пальцы к вискам. Седины не было. Ни одной пряди.

— Зачем ты красишься? — зазвучал в голове мамин голос.

Я смотрела прямо себе в глаза и отвечала отражению, как отвечала всем:

— Это мой щит. От возраста. От усталости. От мысли, что я всё ещё могу быть молодой.

Я улыбнулась. Улыбка вышла чужая.

— Только вот... — тихо добавила я. — Сработал ли он?

Нет. Не работает ничего. Меня ломали годами. Муж. Я сама. Обстоятельства. Молчание. Привычка терпеть. Кто виноват в этой драме? Этот вопрос крутился в голове, как заевшая пластинка. Я ведь всегда за собой следила. Всегда. Брови — раз в два года. Стрелки — аккумуляторные, подчёркивающие глаза. Зелёные. Когда-то он говорил, что в них — вся весна. Теперь в них был поздний ноябрь. Сырой, мутный, подёрнутый плёнкой невыплаканных слёз и невысказанных слов.

Я всматривалась в себя.

— Где ты, Валя? — мысленно спрашивала я. — Та, что смеялась до слёз. Та, что верила в сказки. Та, что готова была ехать за любимым хоть на край света.

Из зеркала на меня смотрела жена генерала в отставке. Немного располневшая, но всё ещё привлекательная. Ухоженная. Правильная. Удобная. Я ведь даже мусор никогда не выносила без макияжа. В военном городке это было сродни выживанию: выйдешь не так — заклюют. Я выучила это правило назубок.

— Моя пышка, — говорил он с нежностью.

— Моё облачко, — вторила мама.

И мне было тепло от этих слов. Надёжно. Спокойно. А теперь я смотрела на себя и думала:

— А может, я слишком мягкая? Слишком удобная? Может, меня любили именно за эту безропотность, которую так легко потом отбросить?

Я где-то слышала фразу: мужчина, который пройдёт с тобой все тяготы, в итоге захочет не тебя. Ему понадобится женщина другая — лёгкая, острая, сочная. А не та, что держала тыл. Я отвернулась от зеркала.

Квартира встретила меня стерильным порядком. Наш дом в элитном спальном районе. Четыре комнаты. Музей семьи, которой больше нет.

Вот фотография в рамке: море, солнце, Аня и Катя ещё маленькие, мы с Женей молодые, почти неправдоподобно счастливые. Как будто играем в семью — понарошку. Всё на своих местах. Только жизни — нет.

— Луша... — неожиданно хрипло позвала я.

Из-под дивана выкатился рыжий комочек. Мой спаниель. Тёплый влажный нос уткнулся мне в ногу. Карие глаза смотрели прямо в душу — без вопросов, без упрёков. Только готовность быть рядом.

— Что, девочка? — я опустилась на колени, обняла мою собаку, пахнущую верностью. — Одни мы, да?

Луша тяжело вздохнула. По-человечески. Она понимала. Она не играла. Она была настоящей — в отличие от всего, что окружало меня, кажется, всю жизнь. Я села на пол, прислонившись спиной к батарее. Холодно. Обняла свою девочку.

— Всё рухнуло, Луша, — прошептала я ей в мягкое ухо. — И я даже не услышала треска. Просто однажды проснулась и поняла: дома больше нет. Есть только я. И эта... тишина. Ты слышишь, как она давит?

Луша положила голову мне на колени. Её тёплый вздох стал единственным живым звуком.

А ведь всё началось со свадьбы Ани.

Я шила, готовила, звонила, суежилась. Я была мотором этого праздника, его сердцем. А потом как будто кто-то щелкнул рубильником... Живот скрутило так, что я не могла вдохнуть.

— Отравление, — сказал приехавший врач, не поднимая глаз. — Покой. Никаких поездок.

А Женя посмотрел на меня своим генеральским взглядом — тем самым, от которого сжимались даже подчинённые.

— Остаёшься. Я всё улажу.

И я сдалась. Я, Валентина, пережившая десятки гарнизонов, отказов и ожиданий, сдалась перед этим взглядом. Лежала, глотая таблетки, и слушала, как за дверью пакут моё место на свадьбе моей дочери.

И да моя самая лучшая мама отказалась поехать на свадьбу без меня. Она приезжала каждый день, как могла поддерживала меня. А когда мне стало лучше, то она уехала к себе домой...

Моя старшая дочь Анна вместе с мужем уехали в свадебное путешествие, то муж Евгений не появился дома. И на мои звонки он не отвечал. Сообщения оставались без ответа. Но последней той самой главной каплей стало то, что моя младшая дочь Катя собрала вещи. Она стояла в дверях моей комнаты, не заходя.

— Mam, я к папе переезжаю. Он квартиру снял рядом.

— Почему? — сердце будто остановилось. — Катя, что случилось?

— Не надо драмы, — сказала она, глядя мимо меня. — Так удобнее. Тебе же хорошо? У тебя дача. Ты её любишь. А я не хочу так больше. Мне готовиться к учёбе. Ты всё время таскаешь меня с собой. Да и папе твоя дача уже надоела. Лучше, если ты от неё откажешься. И вообще... ты к своей собаке лучше относишься, чем к нам.

Она вынесла два чемодана. Не оглянулась. Дверь закрылась тихо. Без хлопка. И во мне снова что-то надломилось.

— За что, Луша? — шепчу я, задыхаясь от слёз, которые не льются, а застряли внутри. — Что я сделала не так? Я же всё для них... Я же дом держала! Я же их любила...

Глава 2

Никакого плача, только вопль, который не может вырваться наружу. Я поднимаюсь. Луша прижимается ко мне. Я выхожу на лоджию. Смотрю за стекло, а там красивая, печальная, увядающая осень. Листья кружатся в каком-то безумном, последнем танце. Неописуемый и завораживающий сентябрь.

– Луша, а кто я? – спрашиваю я у собаки, прижимая её ближе к себе, – Жертва? Та, которую бросили, потому что она слишком стара, слишком полна, слишком... скучна? Или я сильная? Та, что выдержала всё это и не сломалась? Или, по их мнению, я всё-таки слабая, потому что позволила им выбросить себя из собственной жизни, как ненужную вещь?

Луша молчит. Она знает ответ, но не может его сказать. Ответ во мне. И он пугает. Потому что я не знаю, готова ли его услышать. А после приходит только одно решение — пойти прогуляться. Я натягиваю свой серый плащ. Беру поводок.

– Пойдём, – говорю я своей принцессе, – Надо подышать. А то задохнёмся в этом музее.

Я чувствую себя не хозяйкой, а призраком, который вышел проверить, остался ли мир на месте. Или всё-таки изменилась только я? А может, наоборот? Изменился только мир, а я осталась прежней Валентиной, которая уже никому не нужна? Я смотрю на своё отражение в тёмном оконном стекле перед выходом. Там снова та же женщина: с рыжими волосами, зелёными глазами и вопросом, который повис в тишине между нами: «Кто ты, Валентина? И что ты будешь делать теперь, когда ты никому не нужна?»

Мы вышли с Лушей во двор. Осень. Красота. Холод. Он пробирается под одежду, цепляется за кожу. Воздух прозрачный, колкий, каждый вдох обжигает нутро. Деревья стоят в багрово-желтых подпалинах, будто после пожара. И я сама была таким же пепелищем. Ноги понесли меня сами по старой, убитой тропинке мимо детской площадки. Я подошла к старой липе у скамейки. Её кора была шершавой и влажной. Прислонилась лбом, закрыла глаза, пытаюсь вдохнуть её вековой, неподвижный покой. Но покоя не было. Был только вой в груди. Словно кто-то заставил меня резко открыть глаза, и я увидела их.

Из подъезда выпорхнула Катя. Моя девочка. В короткой модной курточке, которой я не видела. Она говорила по телефону и смеялась. Звонко, свободно. Так она не смеялась со мной уже сто лет. Потом вышел Евгений. Мой генерал? Выправка, осанка, седина у висков — благородная, как ему всегда говорили. И рядом... рыжий осенний клён в человеческом обличье. Молодая. Красивая. Беззаботная. В коротком пальто, из-под которого виднелись длинные ноги в сапогах. Она шла легко, будто не касаясь земли, и положила руку ему на рукав. Знакомо, привычно. И Катя шла рядом, не отстраняясь. Они были трио. Они были семьёй. Они смеялись. Он что-то говорил, она запрокинула голову, и её смех — молодой, наглый, победный — долетел до меня и впился прямо в солнечное сплетение.

Я вжалась в дерево, пытаюсь стать его частью, исчезнуть. Луша заскулила, тыкаясь носом. Я прикрыла ей морду ладонью, боясь, что они услышат и обернутся, увидят меня — прилипшую к дереву, жалкую, ненужную. Луша стала еще больше тянуть меня к ним.

— Нельзя, дурочка, — я прижала ее к себе ближе и мысленно просила все силы небес, чтоб они меня только не заметили и не услышали Лушу.

Они сели в его большой чёрный автомобиль. Машина тронулась плавно, как и всё, что он делал, — расчётливо и без оглядки. И умчались. Я осталась стоять у липы, с дрожью в коленях и ледяным комом в горле. А потом я пошла, не разбирая дороги. Ноги подкашивались. Мимо шли люди. Соседка из пятого подъезда, с авоськами. Ещё кто-то, я не хотела ни с кем говорить. Только кивала на их приветствия.

— Валя, милая! Здравствуй! Что ты такая бледная? — спросила соседка по моей площадке тётя Люся и попыталась меня остановить.

Я промолчала и прошла мимо, не повернув головы. Слышала, как та на мгновение замолчала, а потом её вздох полетел мне вслед — густой, сочувственный и одновременно полный любопытства. Потом другой голос, мужской.

— Видала? Совсем не здоровается. Зазналась, что ли?

— Да что ты, Петрович, — тут же вступилась тётя Люся, снизив голос до шёпота, который я всё равно слышала. — Говорят, от неё Евгений Иванович ушёл к молодой, да и дочка с ним. Должно быть, холодная она очень, хозяйственная да ответственная, а женского-то, сердечного... Ну, ты понял.

Их слова висели в воздухе, как ядовитый туман. «Холодная». Вот оно. Диагноз. Мне стало физически плохо. Я, которая грела этот дом двадцать пять лет, кормила, утешала, ждала, терпела гарнизоны и одиночество, — я холодная. Потому что не кричала? Потому что не устраивала сцен? Потому что верила и молчала?

Я не пошла домой, а с решимостью направилась на дачу, к своему любимому домику, спрятавшись за забором. Рухнула на ступеньки крыльца. Тело била мелкая дрожь, будто в лихорадке. Луша, отпущенная мной, бегала по саду, радостно виляя хвостом. А я смотрела на оголённые ветви яблонь, на унылую грядку с побуревшей капустой, и думала: «Я как они. Оголённая. Вымерзшая. Оставленная».

А после, зайдя в домик, я растопила камин. И всё-таки полезла в телефон. В соцсети. Нашла его. Потом её. Алиса. Двадцать семь. Улыбка до ушей. И... О, Боже. Фото в баре. Он, мой солидный муж, смотрит на неё тем взглядом, которого я не видела годами. А она обнимает его за плечо и подписывает: «С моим мужчиной. Надёжный, как скала».

Глава 3

Скала, о которую я разбивала свою жизнь, свой покой, свою любовь, думая, что строю крепость. А оказалось — я просто штукатурила стену, за которой он уже давно жил другой жизнью. И в ней не было меня.

Телефон выпал из рук. Луша уткнулась в меня. И тогда наконец прорвалось. Я обняла её, свою единственную, настоящую, не умеющую предавать подругу, и зарыдала. Тихо, безнадежно, в её пахнущую верностью шерсть. Рыдала о том, что меня не просто предали. Меня отменили. Стёрли. Объявили «холодной» и ненужной. И самое страшное — я начала в этом сомневаться. Может, это не про меня? Может, это во мне что-то сломано, раз они все ушли к тому, кто светится, как этот рыжий клен, и смеётся так громко?

Но где-то там, под ледяной коркой чужого мнения, шевельнулось что-то твёрдое. Ещё слабое, почти неслышное. Обида. Не боль даже, а жгучая, праведная. Я не была холодной. Я была тёплой. Я была домом. А они... Луша лизнула мои слёзы на щеке.

— Всё, — прошептала я ей. — Хватит. Я не могу больше так. Но это была ложь. Я могла. И я должна в первую очередь подумать, как жить дальше и найти цели для того, чтобы однажды, когда им станет плохо, то я смогу открыть им всем двери и сказать, что я их всегда любила. Но для начала я должна и обязана становиться сильнее день ото дня.

Я рыдала, уткнувшись в шерсть Луши, пока не кончились слезы. Осталась только пустая, ноющая сухость под веками и тяжелый камень на месте сердца. Я подняла телефон с пола — экран был цел. Тусклый свет его подсветки был единственным в темнеющем дачном домике. Я смотрела на эту страшную фотографию, на этот мир, откуда меня стерли, и мне стало физически плохо. От унижения.

Но хуже боли была тишина. Та самая, что сгущалась вокруг, наполненная шелестом опадающих листьев и бесконечным вопросом: «Что теперь?» Сидеть в этом домике, как в склепе, и медленно превращаться в призрака? Я боялась самой себя, своей слабости, своего желания просто исчезнуть. Неожиданно зазвонил телефон. Резко, оглушительно, заставляя вздрогнуть и Лушу, и меня. На экране — «Мама». Каждый день в это время я звонила ей. Сегодня не позвонила. Она всегда чувствовала меня.

Палец замер над кнопкой. Взять трубку — значит, обрушить на неё всю эту лавину горя. Не взять — передать ей тревогу, заставить метаться в догадках, которая хуже правды. Я нажала «принять» и не успела ничего сказать, только предательски всхлипнула в трубку.

— Валюша? Доченька, родная. Где ты? — её голос, такой родной и испуганный, обжег меня новыми слезами. Я не могла вымолвить ни слова, только шумное, некрасивое дыхание. — Ты на даче? Просто я хотела заехать к тебе, но подумала, что лучше спрошу. — я выдохнула «да». Мама, услышав меня, тут же произнесла: — Сиди, никуда не ходи, слышишь? Уже еду к тебе.

Она не спрашивала, потому что моя мама знала, что её сильная, неунывающая Валя может развалиться на части только от предательства. И я не нашла в себе сил её остановить. Мне отчаянно, по-детски, хотелось, чтобы она приехала. Чтобы кто-то взял на себя этот груз, хотя бы на минуту.

Она добралась быстро. Услышав стук старенькой «девятки» у калитки, я не пошла открывать, а сидела на ступеньках крыльца, обняв Лушу, и смотрела, как она, моя дорогая мама, пухленькая вся собранная, почти бежит по тропинке.

Она подошла, остановилась передо мной, и её лицо, такое родное, морщинистое, увидев моё, исказилось такой мукой, что я снова зарыдала. Она не стала ничего спрашивать, опусти-

лась рядом на холодные доски, обняла меня за плечи и притянула к себе. К своему старенькому пуховику, пахнущему домом, пирогами и безусловной любовью.

— Всё, дочка. Всё выплачь. Я тут.

И я плакала. Теперь уже не одна. Я выговаривала сквозь рыдания обрывки фраз:

— Женя... молодую... Катя знает... они все вместе... я одна... Меня стерли ластиком, как, мама, жить?

Она молча слушала, только крепче сжимая мои плечи, и я чувствовала, как по её щекам текут слезы. Мама плакала со мной тихо моей болью, потому что моё горе было и её горем. Её дочь выбросили, сломали, отменили.

Когда я выдохлась, она вытерла мне лицо своим шерстяным рукавом, грубо и по-матерински.

— Подлец, — выдохнула она, и в этом слове был приговор. — Трус и мерзавец. Не смог по-мужски, в глаза. Устроил подленькую карусель. А я вот думаю, что за финты зять мой устраивает? Анна понятно в путешествие укатили. Катька хороша, ох и внучка. Умница, красавица ничего не скажешь? — мама помолчала, — Да и генерал, конечно, твой тоже молодец. Использовал детей. И да дочка, что ж ты сразу не позвонила, как Катюха сбежала, а все говорила мама у нас все отлично.

— Мама, ну прости, я просто думала, что Катя ещё вернется, да и тебя не хотела расстраивать, — потом я немного задумалась, мама все также меня обнимала, я чувствовала ее поддержку, и становилось тепло, — Мам, ну правда, как она могла так поступить? Ведь я же всё для них... Всю жизнь... как белка в колесе, все для них и только для них. Коньки пожалуйста, художка, пожалуйста, музыкальная школа пожалуйста. Забывала часто о себе, но всегда знала, что у Женечки важная встреча. Парадный костюм наглажен. Завтрак. Обед. Ужин. Все по расписанию, — голос мой сорвался на жалобный шёпот, и мне стало стыдно за эту слабость.

— Знаю, родная. Ты была им и матерью, и отцом, и тылом, и штабом. Ты держала фронт. А он, когда отвоевался, решил, что может отдохнуть на курорте. И нашел себе молодую сиделку. Но поверь маме, Валечка, как только у него проблемы начнутся, бросит его эта маромойка. И прибежит он, как потасканный пес, к тебе на порог.

Глава 4

Её слова не утешали. Они заново прожигали раны, но уже не сокрушающей болью, а жгучим, очищающим стыдом — за него, который променял верность на «лёгкость».

— Ма, а зачем он мне такой нужен? Мне вот сейчас не за мужа обидно и больно, а за Катю. Почему она ушла к нему? Она что, не понимает, что предала меня? — это была самая страшная заноза.

— Она не выбрала его, — помолчала мама, а потом произнесла: — Валя, твоя дочь выбрала иллюзию. Твой Женечка подsunул ей картинку красивой, свободной жизни без правил, без маминых вечных нравоучений. Он купил её, как покупают игрушку. Она ещё поймёт, но, может, очень скоро. И аукнутся ей еще твои слезы. Бог не Тимошка. — она продолжала гладить меня по голове. Мамины слова пересекались с моими мыслями. Я уже не хотела плакать. И в душе я с ней была согласна. Но всё равно еще мне было немного обидно и горько. — Доча ответь сейчас себе на такой вопрос. Если бы в возрасте Кати ты переехала к отцу, и он разрешал тебе всё то, что я тебе не разрешала. Ты бы осталась с ним или со мной? — я молчала и понимала, что скорей всего я бы так и сделала как моя младшая дочь ушла бы к отцу. Но правда заключается в том, что в возрасте Кати моего отца уже не стало, а мама все также обнимала меня и давала мне время подумать, а потом она кивнула головой и продолжила, — И Валечка, а ты не жди, когда к твоей дочке придет это понимание. Ты живи. Несмотря ни на что живи.

— А как? — спросила я надломленным голосом.

Она взяла моё лицо в свои тёплые ладони.

— Слушай меня, Валентина. Сейчас будет больно, но ты запомни: ты не сломана, а ты — выкорчевана с родного места. И теперь тебе нужно заново пустить корни, но уже в свою почву. Не в его, не в дочкину — у тебя она будет своя собственная, именно та, которую ты забыла и где-то потеряла.

— Я не знаю, где она, моя почва... Всё, что было моим, — оказалось общим, а все общее они забрали.

— Врёшь, — строго сказала мне мама. — Твоё — это ты. Твои руки, которые могут всё. Твоя голова. Твоё сердце, которое, я вижу, ещё бьётся, хоть и искалечено. И этот клочок земли. Он твой, переданный тебе в наследство от моей матери и от меня. Его никто не отнимет. Начни отсюда.

— Что начинать? — прошептала я, глядя на тёмные контуры гряд, на скелеты яблонь.

— Жить! — её голос прозвучал с неожиданной силой. — Просыпаться и делать что-то для себя. Не для того, чтобы дом сиял к его приходу, а чтобы тебе нравилось. Сделай из дома хаос. А здесь, в саду, посади то, что хочешь ты. Перекрась весь дом. Заведи кур, наконец, и поверь, теперь никто тебе не скажет «незачем»! Злись! Делай ошибки! Будь неудобной! Будь — Валентиной, а не тенью генерала Васильева!

В её глазах горел огонь борьбы, который потихоньку стал перекидываться на меня. Сквозь пепел отчаяния начало пробиваться именно то, что называется надеждой. Нет. Это были зачатки решимости, которая кричала, что именно она не позволит поставить себя на колени.

— Я... боюсь, — призналась я, и это была последняя слабость, которую я выплеснула наружу.

— И правильно, так и надо, — сказала мама, обнимая меня снова. — Страшно. Будут дни, когда захочется лечь и не вставать. Будут ночи, когда будет казаться, что сердце разорвётся. Но ты должна вставать. Ты боец, такая же, как я. Ведь у тебя есть ради кого и чего жить.

Хотя бы для того, чтобы покормить эту бедную собаку. А потом — и себя. Шаг за шагом. Не ради будущего счастья, а ради самого завтрашнего утра, ради того, чтобы доказать им всем... а главное — себе... что ты — живая. У тебя есть гордость, наконец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.